

Путь этот поначалу казался сущей нелепицей, но Бай Юйтан не принимал это близко к сердцу. В конце концов, всё это с самого начала затевалось лишь ради Чжань Чжао.

Возможно, Чжань Чжао и не разделял тех чувств, что теснились в груди Пятого господина, но он, по крайней мере, позволил сопровождать себя. Мысль о том, что в грядущих странствиях они будут вместе, согревала сердце Бай Юйтана. То, что этот Кот принял его — пусть даже в такой малой степени — уже было огромной победой.

Чжань Чжао всегда был сам по себе. Пожалуй, даже больше, чем сам Бай Юйтан.

Так, по крайней мере, казалось Юйтану. За те дни, что они провели бок о бок, он успел это почувствовать. Он вовсе не погнался за чинами и богатством — в этом Бай никогда не сомневался, ни когда ненавидел его, ни когда тот занял все его мысли. Чжань Чжао прозвали Южным Героем не за корыстолюбие. Но лишь теперь, сойдясь с ним по-настоящему близко, Юйтан понял: Чжань Чжао помогал людям не ради славы и не по велению долга. Он делал это бессознательно. Просто считал, что раз может подсобить, то почему бы и нет? Убытка не будет. А вот что на самом деле творилось в его душе, не мог разгадать никто.

Пожалуй, он просто искал пристанища. Своего угла, где сердце наконец обрело бы покой.

Казалось бы, простая вещь, но для него она была почти недостижима. Бай Юйтан привык вольно скитаться по свету, Чжаню же требовалось нечто иное. Будь то мир боевых искусств или императорские залы — ему не хватало того самого чувства «дома», которым он дорожил бы больше всего на свете.

Быть может, виной тому была ранняя смерть родителей. А может, он просто с юных лет видел слишком много разлук. Сначала — уход отца и матери, когда те были еще полны сил, затем — кончина учителя. По словам самого Чжань Чжао, Ли Лао умер не от старости: увидев больного с тем же недугом, что когда-то погубил его возлюбленную, старик не выдержал. Старые раны вскрылись, и дух его угас.

Где же его пристанище? За два года скитаний по цзянху Чжань Чжао так его и не нашел. И это вечное беспокойство, скрытое глубоко внутри, не оставляло его.

Бай Юйтан собрал вещи, небрежно сунув «Три сокровища» в мешок — он даже не удостоил их взгляда. Что это были за безделушки, Пятый господин до сих пор толком не знал. И пусть это были реликвии, дарованные самим императором, для Юйтана они оставались лишь тремя свертками, обернутыми в дорогую желтую парчу. Какой в них толк? Единственная их ценность заключалась в том, что они выманили Сяо Мао Чжана из Управы Кайфэна. Цель достигнута, остальное — прах.

Кому нужно, тот пусть и забирает.

— Брат Бай, когда вернемся в Кайфэн, тебе лучше померить пыл. Императорский дворец — не

Остров Пустоты, там ты не хозяин. Один неверный шаг, и...

— Знаю, знаю. Дворец — место тоскливое и хлопотное. И как ты только там выживаешь? — Бай привычным жестом раскрыл белый нефритовый веер, осторожно повернув его так, чтобы Чжань Чжао не видел каллиграфии на обороте.

Хотя, кого он обманывал? Этот Кот был дьявольски проницателен и наверняка давно изучил его подноготную. Он видел надписи на веере, причем совершенно открыто. Будь Чжань Чжао неграмотным деревенщиной, Бай бы не беспокоился, но Южный Герой писал изысканным стилем Лю, так что скрываться было поздно.

— Судя по лицу брата Чжана, император не станет слишком сурово карать Юйтана? — Цзян Пин хоть и доверял Чжань Чжао, но к небожителям, восседающим на троне, симпатии не питал. Он не любил гадать на кофейной гуще, предпочитая спрашивать прямо.

— Четвёртый господин Цзян, не беспокойтесь. Жизни брата Бая ничто не угрожает, — честно ответил Чжань Чжао. — В худшем случае ему придется погостить в Управе Кайфэна несколько дней, пока ему будут всыпать батогов. Кража — преступление серьезное, а уж если речь о дарах Его Величества... Господин Бао, вероятно, прикажет наказать его ради сохранения лица императора. Но казнить за воровство не станут. Суровый приговор из-за какой-то кражи — пусть и дворцовой — пойдет во вред репутации дома Чжао. А император дорожит своей властью.

— И то верно, — Цзян Пин задумчиво кивнул и окончательно успокоился. — Раз так, брат Чжань, не забудь запомнить, с какой рожей наш Пятый будет принимать палки. Я потом над ним вволю посмеюсь.

— Четвертый брат, ты о чем это?!

— О том, что раз уж ты решил осесть в Кайфэне, то займись-ка нашими тамошними лавками. Хоть какая-то польза будет, и брату Чжаню перестанешь досаждать, — Минь Сюсю, как всегда, била не в бровь, а в глаз, разом руша все планы Бая по «охоте на Кота».

***

На том и распрощались. Бай Юйтан стоял на носу судна, глядя, как Остров Пустоты тает в тумане. Он привык к разлукам, но вот Кот, казалось, чувствовал себя не в своей тарелке. Не прошло и четверти часа, как Чжань Чжао скрылся в каюте.

— Кот, ты чего? Опять дуешься?

— Пустяки.

— Кто бы верил!

У Чжань Чжао была скверная привычка — держать всё в себе. Бай Юйтан недовольно скривился, но понимал: пороть горячку нельзя. Надавишь сильнее — и Кот сбежит.

"Если тебя что-то гложет — просто скажи. Я клянусь, что не выдам тайну никому," — такие слова так и просились на язык, но Бай не решался их произнести. Ему было муторно на душе, но он осознавал: их отношения продвинулись гораздо дальше, чем он смел надеяться. Чжань Чжао обладал непомерной гордостью и не терпел посягательств на свои границы. Попытка вытянуть из него душу сейчас была бы подобна принуждению, а это могло перечеркнуть всё, что было достигнуто с таким трудом.

Спешить нельзя. Только не с ним.

Они сошли на берег и оседлали коней. Бай Юйтан обернулся и посмотрел на лошадь спутника. Крупная рыжая кобыла ласково ткнулась мордой в ладонь Чжань Чжао. Было видно, что человек и животное привязаны друг к другу — и Бай внезапно ощутил укол ревности. К лошади!

— Славный скакун.

— Да. Это потомок того коня, на котором ездил мой учитель. Ли Лао давно оставил цзянху, и того коня уже нет в живых, но порода осталась, — Чжань Чжао мгновенно смягчился.

Исчезла холодная вежливость, уступив место искренней теплоте. Он нежно погладил рыжую гриву, и его бледные пальцы на фоне яркой шерсти казались Баю чем-то невообразимо прекрасным и в то же время неправильным.

"Я узнал его слишком поздно. Намного позже, чем следовало."

Юйтана охватила глухая тревога. Чжань Чжао мог знать многих людей, о которых просто не упоминал. А если среди них был кто-то проницательнее самого Бая? Кого-то, кто мог бы «съесть» этого Кота вместе с косточками, пока тот доверчиво хлопает глазами?

Глядя, как ловко Чжань Чжао вскакивает в седло, Бай Юйтан прикусил губу и всё же задал мучивший его вопрос, постаравшись придать ему будничной тон:

— Послушай, Котик... Ты ведь не первый год топчешь дороги цзянху. Неужели, кроме Оуян Чуня, ты никого не запомнил?

— Отчего же, запомнил, — прямой ответ Чжаня заставил сердце Бая пропустить удар.

Он затаил дыхание, молясь про себя, чтобы прозвучали имена дряхлых старцев, монахов или нищевродов.

— В основном это старые друзья моего учителя. Из известных... пожалуй, госпожа Хун из дворца Красного Шёлка. Весьма занятная особа. Помню, когда она только нашла место, где скрывался мой учитель, она так его отчитала...

— Ругала твоего учителя?

— Да. Я впервые видел, чтобы на Ли Лао так кричали.

Судя по всему, учитель Котика был величиной под стать самой госпоже Хун. Бай Юйтан призадумался: он в мире боевых искусств всего пару лет, и пустился в странствия только ради поисков этого самого Кота — откуда ему знать мастеров старой школы?

Дорога от Острова Пустоты до Сунцзянской префектуры была оживленной, а оттуда до государственного тракта рукой подать. Выехав на открытое пространство, Бай Юйтан окончательно запутался в развилках и доверился Чжаню. Наблюдать за тем, как синий силуэт впереди мерно покачивается в седле, было особым удовольствием. Одно только беспокоило Пятого господина: Кот казался слишком худым. Надо бы его подкормить.

Сгущались сумерки. Чжань Чжао решил, что пора искать ночлег, и обернулся к спутнику. Он встретился взглядом с лукаво прищурившимся Бай Юйтаном. На миг повисла неловкость, но Чжань тут же одернул себя. Они ровесники, оба известны в цзянху, их постоянно сравнивают — вполне естественно, что они присматриваются друг к другу. Глупо проявлять жеманство.

— Брат Бай, темнеет. Давай найдем постоянный двор. К чему спешить и скакать по ночам?

— А? Ну... как скажешь... — Бай выглядел как-то странно, будто витал в облаках.

— С тобой всё в порядке? — Чжань Чжао, не удержавшись, протянул руку и коснулся лба Бая.

Он подумал, не утомился ли тот — ведь в Кайфэне его ждет не отдых, а порка.

Юйтан мгновенно перехватил его руку. Он не отпустил её, а, напротив, слегка сжал, изучая пальцы Южного Героя. Кожа была гладкой — Чжань явно следил за собой, и его ладони не были покрыты грубыми мозолями, обычными для мастеров меча.

— Пустяки. С твоим дедушкой Баем ничего не случится. Я просто думал, как мне избавиться от тех лавок, что навязал Четвертый брат.

— Вот оно что.

Чжань Чжао спокойно забрал руку, решив, что зря тревожился. Бай Юйтан — вольная птица, и такая обуза для него хуже каторги.

— Если всё действительно так плохо, Этот Чжань готов помочь тебе с делами, когда выдастся свободное время.

— Ты? Умеешь вести счета?

— Разумеется. Мой старший брат — купец, и когда у его приказчиков в Кайфэне возникают трудности, они частенько приходят за советом ко мне в Управу Кайфэна.

Чжань просто констатировал факт, но Бай Юйтан почувствовал острую жалость. Этот Кот и так вечно по горло в делах, а тут еще и чужие счета проверять! Совсем себя не жалеет.

— Разве ты не занят по уши в Управе Кайфэна?

— Вовсе нет, — покачал головой Чжань Чжао. — По-настоящему жарко бывает только в праздники или когда во дворце намечается суета и не хватает людей. В обычные же дни дела Управы Кайфэна меня не обременяют.

— Котик, а где мы сегодня ляжем? Сразу предупреждаю: твой дедушка Бай под открытым небом спать не будет.

— Я как раз собирался предложить поискать постоянный двор, пока ты витал в облаках, вспоминая Цзян Пина, — Чжань Чжао придержал коня, вглядываясь в горизонт. — И впрямь поздно. Нужно поторапливаться, если хотим успеть в город до того, как в трактирах погасят огни.

— Котик, а давай на спор?

— О чем ты?

— Кто быстрее...

Не успел голос затихнуть, как белый конь вместе со своим белоснежным всадником сорвался с места. Чжань Чжао на миг опешил от такой наглости, но в нем тут же проснулся дремавший азарт.

Под маской сдержанного и изысканного мужа скрывался семнадцатилетний юноша с горячей кровью. Вызов Бая попал в самую цель, пробудив в Чжане дух соперничества, который тот так долго и тщательно подавлял.

Он улыбнулся, и эта улыбка была более яркой и живой, чем его обычная вежливая полуулыбка.

— Раз брат Бай просит, Этот Чжань не вправе отказывать!

В ночном воздухе растаял чистый, звонкий голос, и темно-синяя тень на рыжем скакуне в мгновение ока слилась с сумерками, устремляясь вдогонку за белым вихрем.

<http://bllate.org/book/17405/1658658>